

РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА

М. С. Шаповалов

«Палестинское наследство» в политике Временного правительства (март–апрель 1917 г.)¹

В советской исторической литературе тема Палестины так и не была затронута в контексте внешней политики Временного правительства², хотя основные документы по данной тематике были опубликованы еще в 1924 г.³

В классических зарубежных работах укоренилось мнение, что Россия играла второстепенную роль в определении будущего Палестины в 1914–1918 гг. и была полностью исключена из процесса принятия решений после революционных событий 1917 г.⁴ Только в последнее время отечественные ученые вновь обратились к исследованию российской ближневосточной и палестинской политики в годы Первой мировой войны. Отчасти новому всплеску интереса способствовал столетний юбилей Первой мировой войны и соглашений союзников, определивших судьбу послевоенного Ближнего Востока⁵. Возможно, главнейшей причиной возврата к теме Палестины стали желание и возможность восстановить историческую справедливость, вписать российскую часть истории раздела Азиатской Турции в 1914–1918 гг. и, как пишет (вслед за Е. Ю. Сергеевым) В. В. Беззуб, отойти от «традиционного европоцентризма в изучении событий 1914–1918 гг.»⁶. Следует обратить внимание на то, что одно из основных соглашений по Ближнему Востоку периода Первой мировой войны, получившее название в западной исторической науке «соглашение Сайкса — Пико»,

**Шаповалов
Михаил
Сергеевич,**
кандидат
исторических наук,
старший научный
сотрудник, Омский
государственный
университет им.
Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

российские исследователи стали настойчиво именовать «соглашением Сайкса — Пико — Сазонова», подчеркивая роль российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова (1910–1916), активно принимавшего участие в переговорах⁷.

Однако, подчеркивая «заинтересованность» России в «контроле» над Палестиной, исследователи не всегда до конца могут четко сформулировать, зачем российскому правительству был необходим этот контроль и был ли он вообще нужен. Возникало ощущение, что «революционная Россия отказалась от аннексионистских планов»⁸. Эта проблема касается не только исследований последних лет, вопрос нужности и будущего Палестины мучил и современников Первой мировой войны. Здесь следует согласиться с очень точным замечанием Л. А. Герд: «Если вопрос о Константинополе и проливах представлялся большинству русских политиков очевидным, то ситуация в Палестине была гораздо сложнее»⁹. Из трех министров иностранных дел России в эпоху Первой мировой, оставивших свои воспоминания, только один в записях вскользь упомянул Палестину и попытался сформулировать российские интересы в ней, для остальных Святая земля растворилась в общих проблемах дипломатии Первой мировой войны¹⁰.

В связи с этим мы ставим задачу проследить преемственность в ближневосточной политике царского и временного правительства, реконструировать направления этой политики и ответить на ключевой вопрос: какое место во внешней политике Временного правительства занимала Палестина и занимала ли вообще?

Итак, 2 марта 1917 г. в России к власти пришло Временное правительство князя Г. Е. Львова (2 марта — 7 июля 1917 г.). В наследство от царской России новое правительство получило не только сложнейшее положение на фронтах Первой мировой войны, но и обязательства России (и перед Россией) об обустройстве послевоенного мира. Один из ключевых комплексов договоренностей союзников по Антанте в 1914–1916 гг. касался раздела Азиатской Турции. Правительство Г. Е. Львова, и без того обремененное целым набором внутри- и внешнеполитических проблем, должно было сформулировать свою позицию по будущему устройству Ближнего Востока, решить, будет ли оно придерживаться договоренностей с Британией и Францией или откажется от них. Важнейшим вопросом оставались послевоенные территориальные приобретения России. На 1917 г. выпал и пик переговоров союзников о поддержке сионистских устремлений в создании (возрождении) очага (государства) на Святой земле, что опять-таки требовало выработки позиции Временного правительства.

Министром иностранных дел Временного правительства был назначен лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков (2 марта — 5 мая 1917 г.). Именно перед ним стояла задача разобраться в наследстве «низложенного режима», которое сам П. Н. Милюков называл не иначе как «тяжелым»¹¹. Новый министр был осведомлен, что в 1914–1916 гг. в ходе переговоров с союзниками по Антанте царское правительство смогло сформулировать основные требования России в Азиатской Турции. Во-первых, Англия и Франция согласились на передачу России Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы при условии «осуществления Францией и Англией их планов на Востоке»¹². Во-вторых, царское правительство добилось от союзников признания за Россией армянских вилайетов Турции и Северного Курдистана¹³.

Менее определенная картина вырисовывалась вокруг палестинского вопроса. По российским документам 1914–1916 гг. можно прояснить, какое наследство получило правительство Г. Е. Львова в 1917 г. Согласно опубликованным документам Архива внешней политики Российской империи, основным соперником и партнером в палестинских делах в 1914–1916 гг. российские официальные лица видели Францию.

Французы старались обменять потенциальный контроль России над черноморскими проливами и Константинополем на отказ от преобладания последней в Палестине. Позднее французский посол в России М. Палеолог (1914–1917) написал в своих воспоминаниях, что еще в беседе от 21 ноября 1914 г. с российским императором Николаем II (1894–1917) на его замечания («Франция обладает в Сирии и в Палестине драгоценным наследием исторических воспоминаний, духовных и материальных интересов»; «ваше величество согласились бы на мероприятия, которые правительство Республики сочло бы необходимыми для охранения этого наследия») российский император ответил согласием¹⁴.

В действительности французский посол лукавил: переговоры Франции и России в 1914–1916 гг. по вопросу Святой земли были не такими гладкими. Если даже принять за факт, что российский император был согласен на предложения французов, то российский МИД был всячески против полного вхождения Палестины в сферу влияния Франции. Российский посол в Париже А. П. Извольский (1910–1917) в конце декабря 1914 г. указывал С. Д. Сазонову на то, что «в Палестине немыслимо господство какой-либо одной европейской державы»; при этом «в материальном отношении», по мнению посла, Сирия (как, очевидно, и Палестина) не представляла «ценности»¹⁵. В этом письме бывший министр иностранных дел (А. П. Извольский) фактически сформулировал суть российской палестинской политики конца XIX — начала XX в., заключающуюся в игнорировании любых российских интересов в Палестине, кроме духовных. Именно о духовных интересах России писал позднее и сам С. Д. Сазонов: «Кроме Константинополя была еще одна турецкая область, имевшая в глазах русского народа чрезвычайно важное значение. Это Палестина, куда столетиями направлялась непрерывная струя русских паломников на поклонение Святым местам»¹⁶.

Из Дневника Министерства иностранных дел России следует, что ключевые переговоры между Францией и Россией по вопросу будущего Святой земли прошли в первых числах марта 1915 г. Французская позиция состояла из двух пунктов: 1) в понятие «Сирия» входила и «Палестина»¹⁷; 2) Сирия и Палестина должны были быть присоединены к Франции¹⁸.

В ответ российская сторона озвучила свою позицию:

1) «Палестина» не входит в понятие «Сирии», так как даже при турках в Палестине был собственный губернатор¹⁹;

2) невозможность согласия «на переход гражданской власти над Святыми местами из рук нейтральных турок в руки христианской державы, неизбежно отдающей предпочтение одному из вероисповеданий»²⁰;

3) согласие «на осуществление пожеланий Франции в отношении Сирии и Киликии»²¹.

Несмотря на то что российское правительство высказало, казалось бы, противоположную французской точку зрения на палестинский вопрос и категорически не согласилось на включение Палестины в пределы Сирии, российский МИД дал четко понять французам, что собственно территория пустынной Палестины интересует Россию лишь постольку, поскольку на ней располагаются Святые места. Палестина же за пределами библейских святынь ни в экономическом, ни в политическом плане важности для России не представляет.

Поняв это, французский посол в ответ предложил России «разные формулы, оговаривающие, что в отношении Св[ятых] мест между русским и французским правительствами должно будет быть заключено впоследствии соглашение на почве сохранения порядка, установленного Берлинским трактатом»²², согласно ст. 62 которого «духовные лица, паломники и иноки всех наций, путешествующие в европейской и азиатской Турции, будут пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегиями. Право официального покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами держав в Турции как по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и др. в Св. Местах и в др. местностях. Права, предоставленные Франции, строго сохраняются за ней и, само собою разумеется, что *status quo* на Святых местах не может подвергнуться никакому нарушению»²³.

Однако С. Д. Сазонов, очевидно, не дал в марте 1915 г. французам никакого окончательного ответа по Палестине, заметив только, что «в отношении Св[ятых] мест» ответ будет дан позже «лишь по изучении вопроса»²⁴. Хотя, со слов М. Палеолога, 16 марта император Николай II согласился не только с программой «цивилизаторской деятельности, которую Франция намерена предпринять в Сирии, в Киликии и Палестине», но и с французским проектом областей, «которые, таким образом, перешли бы под французское влияние»²⁵. Данные дневника Палеолога даже позволили Н. Н. Лисовому сделать вывод, что Россия добровольно отказалась от «политического присутствия и собственных интересов в Палестине»²⁶. А Гидеон Бигер высказал мнение, что Россия, как близкий союзник Франции, первоначально согласилась на передачу Палестины Франции, но затем отклонила это требование²⁷.

Так или иначе, французская сторона была вполне удовлетворена исходом переговоров. Со слов российского посла А. П. Извольского, министр иностранных дел Франции Т. Делькассе (1914–1915) остался «очень доволен» ответом России относительно Сирии и Киликии. По палестинскому же вопросу французский министр заметил, что в будущем «он будет, может быть, настаивать на обладании теми или иными входящими в ее состав местностями», но в то же время согласился, что «вопрос о Святых Местах требует особого и более внимательного обсуждения»²⁸.

На следующий день после переговоров с французами, 4 марта, С. Д. Сазонов запросил у британского посла точку зрения его правительства в отношении «домогательств Франции касательно Святых мест в Палестине»²⁹. В ответ российский министр получил памятную записку, согласно которой Правительство Его Величества также оставило за собой пространство для возможных действий на посттурецких территориях; в частности, в записке упоминалось образование в Аравии после распада Турции некоего нового арабского государства (очевидно, под британским протекторатом), которое должно было стать новым центром мусульманского

мира. Вопрос же «о возможном разделе между державами Месопотамии, Сирии и Палестины или соседних областей» британское правительство посчитало преждевременным, «пока вопрос об указанном мусульманском государстве не будет разрешен»³⁰. Таким образом, в марте 1915 г. британцы не исключили возможное свое участие в дележе Святой земли, при этом еще не дав ответа, должна ли Палестина войти в новое арабское государство или нет. Бесспорно одно: над этим вопросом они уже задумывались и прорабатывали варианты. Возможно, в связи с этим не случайно британский Верховный комиссар Г. Мак-Магон не возразил шерифу Мекки Хусейну (с которым шли переговоры о создании арабского государства), когда тот в июле 1915 г. заявил о желательности видеть западной границей независимой арабской территории Средиземное море³¹.

Любопытно, что в феврале 1917 г. в аналитическом письме неустановленный российский посланник (письмо было без подписи), очевидно работавший «в интересах сионизма» и регулярно докладывавший о переговорах сионистов с Лондоном и Парижем в Петроград, отмечал, что уже в июле 1915 г. «Руководящие министры (*Leading ministers*) Британского правительства серьезно взвесили планы сионистов и высказывают полное сочувствие созданию Еврейского поселения в Палестине на широких началах (*Jewish settlement of large scale*). Входить в детали характера поселения Британское Правительство считало тогда преждевременным»³².

Российскую официальную точку зрения на будущее Палестины посланник передал следующим образом: «Вопрос еще окончательно не выяснен. Россия интересуется в Палестине главным образом Святыми местами и регулированием этого вопроса. Что же до вождедений сионистов, то, если союзные Державы проявят желание оказать содействие их осуществлению, они со стороны России никакого противодействия не встретят. Это можно уже теперь с положительностью передать. Смогут ли сионисты рассчитывать, когда наступит момент, и на положительное содействие со стороны Русского Правительства, пока не представляется возможным сказать. Но в свое время ответ на тот вопрос Вам будет дан»³³.

Таким образом, еврейский вопрос в Палестине, не нашедший явного подтверждения в опубликованных документах российского МИДа, фактически был обсуждаем между союзниками по Антанте в 1915 г., прежде всего между Россией (обладавшей крупнейшей еврейской общиной) и Британией (располагающей сильнейшим еврейским лобби). Франция же в этих переговорах была скорее сторонним наблюдателем, что косвенно подтверждают слова, сказанные Т. Делькассе в беседе с французским журналистом и политиком Гюставом Эрве, что он не представляет «себе такой комбинации, при которой Палестина перешла бы к Франции»³⁴.

Тем не менее в 1915 г. будущее Палестины еще определялось не еврейским вопросом; более того, только французское правительство высказало открыто свои претензии на Святую землю. Россия и Британия же отложили обсуждение палестинского вопроса на более поздний срок. И если в случае России это можно было объяснить скорее отсутствием единой позиции разных политиков и ведомств (императора, МИДа), то в случае Британии — отсутствием четких оснований для участия в дележе палестинского наследства (хотя вариант включения Палестины в новое арабское государство под протекторатом Британии не казался таким уж фантастичным).

Основания для продолжения переговоров по Палестине возникли в начале 1916 г., их инициатором на сей раз выступила Британия. К этому времени британцы уже провели основные переговоры с Хашимитским кланом по поводу образования арабского государства в Аравии, англо-французский десант потерпел сокрушительное поражение в Галлиполийской операции и, что самое главное, вновь был поднят вопрос об образовании еврейского очага в Палестине.

29 февраля 1916 г. на встрече министра С. Д. Сазонова с английским послом Д. У. Бьюкененом (1910–1918) и сотрудником британского военного ведомства М. Сайксом была затронута тема будущего Палестины и еврейского вопроса. Сайкс заметил, что «английские евреи допускают возможность установления европейского контроля над Палестиной; они помирятся также и с мыслью об английском генерал-губернаторе, но будут для себя требовать свободы колонизации в Палестине и полного равноправия в этой области». Сайкс, со своей стороны, допускал «также учреждение в Палестине наряду с английским генерал-губернатором французского, под условием, однако, чтобы последнему было поручено исключительно заведывание полицией»³⁵.

В этот же день С. Д. Сазонов составил всеподданнейшую записку Николаю II, в которой рекомендовал «согласиться на территориальное уменьшение Палестинской области», ограничив там защиту российских интересов «исключительно Святыми местами»³⁶. А после настоятельной просьбы британского МИДа высказать свою точку зрения по еврейскому вопросу³⁷ 17 марта 1916 г. российское правительство сообщило, что «не вставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране» и «согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся в Святой земле, свободное отправление своего культа, ровно как и сохранение их прежних прав и привилегий»³⁸. Таким образом, в марте 1916 г. российское правительство вслед за английским согласилось с идеей еврейской колонизации Палестины. Французский МИД, однако, не отступал в вопросе протектората над Палестиной и настаивал на «компенсациях, которые Франция желает получить в Сирии»³⁹ и на согласии России включения «Палестины во французскую Сирию»⁴⁰. В ответ министр С. Д. Сазонов был вынужден еще раз подчеркнуть, что вероятное «согласие российского правительства на включение Палестины во французскую Сирию... само собой разумеется, не относится к Святым Местам и территориям, где находятся религиозные православные учреждения. Означенные города и местности должны получить международный режим с сохранением свободного доступа к портам Средиземного моря. По небезызвестным Вам причинам российское правительство не считало бы возможным признать здесь исключительные суверенные права какой-либо державы»⁴¹.

В результате переговоры России, Британии и Франции воплотились в соглашение Сайкса — Пико, оформленное нотами между Россией и Францией от 13(26) апреля 1916 г. и между Францией и Великобританией от 16 мая 1916 г. Союзники договорились о том, что два средиземноморских порта — Хайфа и Акра — при разделе османского «наследства» достанутся Британии, а часть северной Палестины войдет во французскую зону влияния. Остальная часть урезанной Палестины должна была составить так называемую коричневую зону, управляемую международной

администрацией, в том числе по согласованию с Россией⁴². Фактически, несмотря на уступки (уменьшение области Палестины), в соглашении был реализован российский проект интернационализации Святой земли. Еврейский проект колонизации Палестины позволил британцам принять участие в дележе палестинского наследства, однако приоритетных прав при последовательной позиции России получить им в 1916 г. не удалось.

Таким образом, именно положения соглашения Сайкса — Пико должны были стать основанием палестинского наследства Временного правительства в марте 1917 г. Однако уже последний министр иностранных дел Российской империи Н. Н. Покровский (30 ноября 1916 — 2 марта 1917 г.) сомневался, что обещания перед Россией будут выполнены. Н. Н. Покровский в своем докладе предупреждал Николая II: «...важнейшее для нас соглашение о Константинополе и Проливах является, в сущности, лишь векселем, выданным нам Великобританией, Францией и Италией, но платеж по нему должен быть произведен третьим лицом — Турцией, которая в соглашении не участвовала и, в зависимости от обстановки на интересующем ее театре войны, может отказаться удовлетворить наши требования». Исходя из этого, далее он подчеркивал: «...состояние географической карты войны к моменту открытия мирных переговоров будет иметь решающее значение для проведения в жизнь политических проектов. Отсюда для нас вытекает необходимость ко времени заключения мира овладеть Проливами, или же, во всяком случае, настолько к ним приблизиться, чтобы при решении этого вопроса быть в силах оказать должное давление на Турцию. Без этого мы едва ли когда-нибудь получим Константинополь и Проливы, и самое соглашение о них превратится в простой клочок бумаги»⁴³. Несмотря на то что в докладе (как и в будущих воспоминаниях Н. Н. Покровского) Палестина не упоминалась, это не означало, что будущее соглашение о Палестине ждала другая судьба или вопрос о Святой земле выпал из поля зрения министерства иностранных дел. Уже во время Февральской революции Н. Н. Покровский получил телеграмму от российского посла в Риме М. Н. Гирса, в которой последний с тревогой сообщил, что «по доходящим до него слухам, англичане и французы готовят, будто бы, высадку англо-французского отряда войск в Палестине»⁴⁴. Ввиду новых обстоятельств Н. Н. Покровский выступил за активизацию действий на Кавказском фронте и высадку десанта в Малой Азии с целью продвижения к Константинополю⁴⁵. Очевидно, эта позиция окажется последним мнением российского МИДа к началу Февральской революции. Это мнение сохранит силу и после прихода на Дворцовую площадь П. Н. Милюкова, который окажется, по его собственным словам, единственным, «который не уволил никого из служащих»⁴⁶.

До своего назначения в МИД новый министр выпустил две наиболее известные программные статьи касательно будущего Ближнего Востока: «“Нейтрализация” Дарданелл и Босфора» (1915)⁴⁷ и «Территориальные приобретения России» (1915)⁴⁸. В них П. Н. Милюков сосредоточил свои рассуждения лишь на присоединении к России армянских вилайетов Турции и контроле над проливами Босфор и Дарданеллы⁴⁹. То, что Палестина в этих статьях не фигурировала, означало, по мнению П. Н. Милюкова, что про Святую землю можно было или забыть, или Палестина не должна была войти в территориальные приобретения России после

войны. Размышляя над вопросом Турецкой Армении, П. Н. Милюков подчеркивал, что «появление России на Средиземном море ставит новые задачи русскому военному флоту, не оправдываемые современным состоянием русской внешней торговли. Все это не может не отражаться на отягощении русского плательщика совершенно непропорционально выгодам, которые Россия может непосредственно извлечь из такого расширения своей сферы влияния»⁵⁰. Российский протекторат над Палестиной также привел бы к значительным издержкам как финансового, так и политического плана, издержкам, которые Россия не могла себе позволить ни в 1915 г., ни тем более в 1917 г. Однако это не означало, что П. Н. Милюков собирался отказываться от ближневосточной линии царского МИДа, сотрудники которого выступали за выполнение пунктов соглашения Сайкса — Пико и рекомендовали добиваться от союзников выполнения перед Россией обязательств в Азиатской Турции, в том числе интернационализации Палестины. П. Н. Милюков, таким образом, рассматривал будущее Святой земли только в рамках соглашения 1916 г. и стремился добиваться его выполнения.

При этом большую часть времени и сил новый министр иностранных дел тратил на борьбу за территориальные приобретения России не в дипломатических баталиях с Британией и Францией, а в аппаратной и межведомственной борьбе внутри России. Значительные препятствия на этом пути у него возникали и во Временном правительстве, и в различных ведомствах. В своих воспоминаниях П. Н. Милюков подробно рассказывает о том, как ему с трудом удалось исключить из текста «Ноты Временного правительства правительствам союзных держав» формулу «без аннексий и контрибуций»⁵¹ и заверить союзников, «что Временное правительство решило поддерживать соглашения и союзы, заключенные с его предшественниками, и продолжать войну до победного конца»⁵².

Очевидно, разделяя мнение Н. Н. Покровского, П. Н. Милюков выступил за ставку на кавказский фронт и русскую кавказскую армию; считалось, что ее успехи (на фоне неудач на западе) позволят претендовать России на ближневосточное наследство⁵³. Не последнее (но и далеко не первое) место в этих планах отводилось и Святой земле. В апреле 1917 г. в ответ на активные действия англичан по штурму Газы П. Н. Милюков предложил использовать русские войска, находящиеся на Македонском театре войны, для участия «в международной оккупации Иерусалима и Святых мест». При этом российские интересы на Святой земле министр назвал не иначе как интересами «первостепенной важности»⁵⁴. Еще в конце марта 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства активно взялся за подготовку высадки десанта в Малой Азии, однако сопротивление и. о. верховного главнокомандующего М. В. Алексеева и военного и морского министра А. И. Гучкова фактически свели на нет все его усилия. Руководители военного ведомства ссылались на невозможность организации экспедиции в революционных условиях, на недостаточность необходимых ресурсов⁵⁵. Военный план участия России в палестинских делах рухнул. Как и не был реализован план дипломатический, который в 1917 г. был прочно переплетен с еврейским вопросом.

На поступающие запросы от российских послов⁵⁶ и представителей сионистских организаций по поводу поддержки Россией сионистских устремлений в Палестине⁵⁷ П. Н. Милюков так и не дал, очевидно, какого-либо иного ответа,

чем молчаливое согласие с политикой Британии по установлению в Палестине «еврейского очага». Позднее в своем дневнике он лишь констатирует результаты Парижского мира: «Еврейский вопрос признавался международным и разрешался в смысле “личной автономии” евреев в России, Австрии, Румынии и Польше» (подразумевается, очевидно, внетерриториальная национальная автономия) и «содействия колонизации евреями Палестины»⁵⁸. Почему так и не была издана «русская Декларация Бальфура», остается вопросом, требующим отдельного разговора. В мае 1917 г. с отставкой министра П. Н. Милюкова шансы на реализацию планов России на Ближнем Востоке были сведены к минимуму. Хотя часть российской общественности (в том числе «российские дипломаты в изгнании») еще в 1918–1919 гг. верили в воздвижение «креста над Святой Софией» и «низвержение мусульманского ига в Иерусалиме»⁵⁹.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении Первой мировой войны представители российского МИДа подчеркивали «важное значение» и «заинтересованность» в Палестине. Однако эта заинтересованность на практике ограничивалась действиями, направленными на сохранение *status quo* на Святых местах. Важно понимать, что, несмотря на значительное увеличение католической и протестантской общин в Палестине во второй половине XIX — начале XX в., православное население оставалось самым многочисленным, поэтому сохранение *status quo* фактически оставляло за Россией лидирующие позиции на Святой земле. Не случайно, что основные переговоры вокруг Палестины в 1914–1915 гг. шли как раз между католической Францией и православной Россией, а предметом переговоров были позиции последней на Святых местах. Российские политики, не видя в Палестине точки опоры на Восточном Средиземноморье, охотно отказывались от идей русского протектората над Святой землей и выступали за ее интернационализацию. Англия, к слову, напротив, смотрела на Палестину не как на Святую землю, а как на стратегическую территорию, которая естественным образом вплеталась в создание британской ближневосточной империи. Россия, таким образом, всегда играла «вторым номером», отвечая на запросы исходящие сначала от Франции, а потом и Британии.

Могло показаться, что Россия согласилась на предложения французов и фактически поменяла свои позиции на Святой земле в обмен на Царьград и армянские вилайеты Турции, сознательно отказывалась от возможностей, которыми она обладала как в военном, так и в большей степени дипломатическом плане (еврейский вопрос). Однако, что более вероятно, российское правительство, министры войны так и не смогли сформулировать единой палестинской политики. Налицо были противоречия между мнением императора Николая II, который (со слов французского посла) был согласен на широкие уступки французам, линией российского МИДа, явно выступавшего за участие в определении будущего Святой земли, и, наконец, скепсисом и даже сопротивлением военного и морского ведомства в попытках закрепиться в Восточном Средиземноморье.

П. Н. Милюков, получивший такое непростое наследство, в 1917 г. уже не видел у России сил делать приобретения на средиземноморском побережье, — это касалось армянских земель в Малой Азии, это касалось и Палестины. При этом П. Н. Милюков поставил себе задачу сохранить прежнее влияние России, добиться

выполнения обязательств союзников; в условиях недостаточности времени и повсеместного сопротивления он просто не смог сыграть на опережение, потратив все свои силы и время на оттягивание неизбежного — пересмотр соглашений Сайкса — Пико.

Сегодня не так важно, сколько фамилий в названии соглашения по разделу Азиатской Турции указывают исследователи: две, три или четыре (как итальянские исследователи: Сайкс — Пико — Сазонов — Нитти). Важно понимать, что выход России из участия по определению будущего Ближнего Востока привел к изменению всей его конфигурации.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-61-01007 «Палестина в системе международных отношений в конце XIX — начале XX в.: российский взгляд».

² *Рубинштейн Н.Л.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1946; *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.

³ Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1924.

⁴ *Fromkin D.* A Peace to End all Peace. New York, 1989; *Kedourie E.* In the Anglo-Arab Labyrinth. The McMahon — Husayn Correspondence and its interpretations 1914–1971. London, 1976; Palestine and Israel in 19th and 20th centuries / eds E. Kedourie, S. Haim. London, 1982; *Monroe E.* Britain's moment in the Middle East. 1914–1971. Baltimor, 1981.

⁵ *Демченко А.П.* Военно-политическая программа Временного правительства России и позиция Великобритании // Проблемы истории и историографии: сб. докладов межвуз. науч. конф. 2015. Т. 3. С. 111–118; *Цветянский А.В.* Россия и обсуждение будущего Ближнего Востока в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: матер. Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 67–73.

⁶ *Беззуб В.В.* Ближний Восток в проектах России и Великобритании в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 2. С. 23; *Сергеев Е.Ю.* Первая мировая война — пролог истории XX в. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: матер. междунар. конф. Первая мировая война и современный мир. М., 2011. С. 13.

⁷ *Вородин Д.А.* Ближний Восток и Первая мировая война: великое арабское восстание // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 2. С. 142–153; *Шевелёв Д.Л.* К истории заключения соглашения о разделе азиатских территорий Османской империи 1916 г. // Восток («Oriens»). 2001. № 5. С. 39–43.

⁸ *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010. С. 54.

⁹ *Герд Л.А.* Русские проекты будущего Палестины после окончания Первой мировой войны // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 552–553.

¹⁰ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Минск, 2002; *Покровский Н.Н.* Последний в Маринском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015; *Милоков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955.

¹¹ *Милоков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). С. 290.

¹² Вербальная нота французского посольства в Петрограде министру иностранных дел Сазонову. Петроград, 28 марта / 10 апреля 1915 г. // Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. М., 2002. С. 360.

¹³ Памятная записка министра иностранных дел Сазонова французскому послу в Петрограде Палеологу. Петроград, 13/26 апреля 1916 г. // Там же. С. 363.

- ¹⁴ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 226.
- ¹⁵ Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Телеграмма. № 740. 28 декабря 1914 г. / 10 января 1915 г. Продолжение М 739. Копия в Лондон // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 107.
- ¹⁶ Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 290–291.
- ¹⁷ Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Телеграмма. № 1156. 2/15 марта 1915 г. (3 ч. дня) // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 129.
- ¹⁸ Дневник МИД. 3 марта 1915 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014. С. 59.
- ¹⁹ Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Телеграмма. № 1156. 2/15 марта 1915 г. (3 ч. дня) // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 129.
- ²⁰ Дневник МИД. 3 марта 1915 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов. С. 59.
- ²¹ Там же.
- ²² Формулы, предложенные французским послом в Петрограде М. Палеологом относительно Святых Мест. Ставка верховного главнокомандующего, 3/16 марта 1915 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 129–130.
- ²³ Берлинский трактат. Берлин, 1/13 июля 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 206.
- ²⁴ Дневник МИД. 3 марта 1915 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов. С. 59.
- ²⁵ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. С. 299.
- ²⁶ Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. С. 391.
- ²⁷ Biger G. The Boundaries of Modern Palestine, 1840–1947. London; New York, 2006. P. 42–43.
- ²⁸ Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Телеграмма. № 14 от 4/17 марта 1915 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 130.
- ²⁹ Дневник МИД. 4 марта 1915 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов. С. 61.
- ³⁰ Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову. 20 марта 1915 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 130.
- ³¹ Подробнее об этом см.: Шевелев Д. Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине. Документы и материалы. М., 2008.
- ³² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 2034. Письмо без подписи к Александру Михайловичу о сионистском плане создания поселения в Палестине. 7 февраля 1917 г. Москва. Л. 1.
- ³³ Там же. Л. 2.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Дневник МИД. 29 февраля 1916 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов. С. 122.
- ³⁶ Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Сазонов, 29 февраля 1916 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 161.
- ³⁷ Там же. С. 162.
- ³⁸ Памятная записка министерства иностранных дел французскому и великобританскому послам в Петрограде Палеологу и Бьюкенену. Петроград, 4/17 марта 1916 г. // Мировые войны XX века. С. 363.

- ³⁹ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 296.
- ⁴⁰ Французский посол в Петрограде М. Палеолог российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову. (С копии письма) 26 марта 1916 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 169.
- ⁴¹ Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов французскому послу в Петрограде М. Палеологу (С копии письма). № 247. 15/28 марта 1916 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 169.
- ⁴² Секретное соглашение между Россией, Великобританией и Францией в связи с притязаниями этих трех стран в отношении Азиатской Турции. Петроград — Лондон, 13/26 апреля — 19 августа (1 сентября) 1916 г. // Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 38–43.
- ⁴³ Всеподданнейшая записка Н. Н. Покровского. 21 февраля 1917 г. // Константинополь и пролив: По секретным документам бывшего МИД: в 2 т. М., 1926. Т. 2. С. 387–390.
- ⁴⁴ Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому. Телеграмма. № 141. 26 февраля / 11 марта 1917 г. Копии в Париж и Лондон // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 306.
- ⁴⁵ *Покровский Н. Н.* Последний в Маринском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 228.
- ⁴⁶ *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). С. 296.
- ⁴⁷ *Милюков П. Н.* Нейтрализация Дарданелл и Босфора // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 532–548.
- ⁴⁸ *Милюков П. Н.* Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 53–65.
- ⁴⁹ Подробнее об этом см: *Нигамедзинов Ф. Ф.* Внешнеполитические воззрения П. Н. Милюкова: теория и практика. Казань, 2004; *Шелохаев В. В., Соловьёв К. А.* Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история России. 2014. № 3(11). С. 184–196.
- ⁵⁰ *Милюков П. Н.* Территориальные приобретения России. С. 65.
- ⁵¹ Подробнее об этом см: *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). С. 296–297.
- ⁵² *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 265.
- ⁵³ Подробнее об этом см: *Марукян А.* Армянский вопрос и политика России (1915–1917 гг.). Ереван, 2003.
- ⁵⁴ Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову. Телеграмма. № 1699. 16/29 апреля 1917 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 324.
- ⁵⁵ Подробнее об этом см: *Архипов И.* Милюков П. Н.: заложник войны и революции // Звезда. 2013. № 12. С. 60–96; *Олейников А.* Турецкий капкан: 100 лет спустя. СПб., 2016. С. 31.
- ⁵⁶ Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову. Телеграмма. № 284. 20 апреля / 3 мая 1917 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. С. 328.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2036 Телеграмма председателя ростовского гор. сионистского комитета Рабиновича П. Н. Милюкову о создании автономного еврейского государства в Палестине. Л. 1.
- ⁵⁸ *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2014. С. 601.
- ⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Локшин А. Е.* «Еврейское царство на Святой Земле?»: отношение Российского Палестинского общества к декларации Бальфура // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск, 2006. С. 65–80; *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шаповалов М. С. «Палестинское наследство» в политике Временного правительства (март–апрель 1917 г.) // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 19–32.

Аннотация: В статье, основанной на опубликованных документах российского МИДа и неопубликованных архивных материалах фонда министра Временного правительства П. Н. Милюкова, рассматривается история палестинской политики Временного правительства (март–апрель 1917 г.). Особое место уделено формированию палестинского наследства Временного правительства — истории обсуждения будущего Палестины в ходе Первой мировой войны. Пришедшее к власти в России Временное правительство князя Г. Е. Львова получило в наследство от царской России не только сложнейшее положение на фронтах Первой мировой войны, но и обязательства России (и перед Россией), связанные с обустройством послевоенного мира. Один из ключевых комплексов договоренностей союзников по Антанте в 1914–1916 гг. касался раздела Азиатской Турции. Правительство Г. Е. Львова, и без того обремененное целым набором внутри- и внешнеполитических проблем, должно было сформулировать свою позицию по будущему устройству Ближнего Востока, решить, будет ли оно придерживаться договоренностей с Британией и Францией или откажется от них. Важнейшим вопросом оставались послевоенные территориальные приобретения России. В условиях Февральской революции для новых министров было ясно: простой захват каких-либо территорий теперь вряд ли возможен. На 1917 г. выпал и пик переговоров союзников о поддержке сионистских устремлений в создании (возрождении) своего очага (государства) на Святой земле, что опять-таки требовало выработки позиции Временного правительства. Статья представляет собой российский взгляд на, казалось бы, хорошо изученные переговоры о разделе Азиатской Турции по иностранным источникам.

Ключевые слова: Палестина, Временное правительство, соглашение Сайкса — Пико, Декларация Бальфура, П. Н. Милюков.

Сведения об авторе: Шаповалов М. С. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия); shapovalov_ms@mail.ru

FOR CITATION

Shapovalov M. S. "Palestinian Legacy" in Provisional Government's Policy (March — April 1917), *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. P. 19–32.

Abstract: The article is based on documents published by the Russian Ministry of Foreign Affairs and unpublished archival materials from the collection of Minister of the Interim Government P. N. Milyukov. It examines the history of the Palestinian policy of the Provisional Government in March-April 1917. Particular attention is paid to the formation of the Palestinian heritage of the Interim Government, the history of the discussion of the future of Palestine during the First World War. The Russian Provisional Government of Prince G. E. Lvov inherited from tsarist Russia not only the difficult situation in the First World War, but also the obligations of Russia (and before Russia) about the arrangement of the postwar world. One of the key agreements complexes allies in the Entente in the 1914–1916 biennium was about the section of Asiatic Turkey. Government of G. E. Lvov was burdened by a range of issues in internal and foreign policy and had to formulate its position on the future shape of the Middle East, decide whether it will adhere to the agreement with Britain and France, or abandon them. The most important question remained postwar territorial acquisitions of Russia. In the context of the February revolution it was clear for the new ministers that just grab any area was now unlikely to be possible. In 1917 it was a peak of negotiations of allies on the support of Zionist aspirations in building (revival) their home (state) in the Holy Land, which again required the development of the position of the Interim Government. The article is a look at the Russian seemed to be well-researched negotiations on the partition of Asian Turkey on the base of foreign sources.

Keywords: Palestine, Provisional Government, Sykes — Picot Agreement, Balfour Declaration, Miliukov.

Author: Shapovalov M. S. — Candidate in History, Senior researcher, F. M. Dostoevskiy Omsk State University (Omsk, Russia); shapovalov_ms@mail.ru

References:

- Arhipov I. 'Milyukov P. N.: zalozhnik voynyi i revolyutsii', *Zvezda*, no. 12, 2013.
Bezzub V. V. 'Blizhniy Vostok v proektakh Rossii i Velikobritanii v godyi Pervoy mirovoy voynyi 1914–1918', *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyie otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, no. 2, 2015.

- Biger G. *The Boundaries of Modern Palestine, 1840–1947* (London, New York, 2006).
- Budnitskiy O. V. *Rossiyskie evrei mezhdru krasnyimi i belyimi* (1917–1920) (Moscow, 2005).
- Demchenko A. P. 'Voenno-politicheskaya programma Vremennogo pravitelstva Rossii i pozitsiya Velikobritanii', *Problemy istorii i istoriografii. Sbornik dokladov mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii*, no. 3, 2015.
- Fomin A. M. *Voyna s prodolzheniem. Velikobritaniya i Frantsiya v borbe za "Osmanskoe nasledstvo". 1918–1923 gg.* (Moscow, 2010).
- Fromkin D. *A Peace to End all Peace* (New York, 1989).
- Gerd L. A. 'Russkie proekty buduschego Palestinyi posle okonchaniya Pervoy mirovoy voynyi', *Religii mira. Istoriya i sovremennost.* 2006–2010 (Moscow, St. Petersburg, 2012).
- Ignatiev A. V. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitelstva* (Moscow, 1974).
- Kedourie E. *In the Anglo-Arab Labyrinth. The McMahon — Husayn Correspondence and its interpretations 1914–1971* (London, 1976).
- Lisovoy N. N. *Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoy zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX — nachale XX v.* (Moscow, 2006).
- Lokshin A. E. "'Evreyskoe tsarstvo na Svyatoy Zemle?": otnoshenie Rossiyskogo Palestinskogo obschestva k deklaratsii Balfura', *Evrei v Sibiri i na Dalnem Vostoke: istoriya i sovremennost* (Krasnoyarsk, 2006).
- Marukyan A. *Armyanskiy vopros i politika Rossii (1915–1917)* (Erevan, 2003).
- Monroe E. *Britain's moment in the Middle East. 1914–1971* (Baltimore, 1981).
- Nigamedzinov F. F. *Vneshnepoliticheskie vozzreniya P. N. Milyukova: teoriya i praktika* (Kazan, 2004).
- Oleynikov A. *Turetskiy kapkan: 100 let spustya* (St. Petersburg, 2016).
- Palestine and Israel in 19th and 20th centuries.* Ed. by E. Kedourie, S. Haim (London, 1982).
- Rubinshtein N. L. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitelstva* (Moscow, 1946).
- Sergeev E. Yu. 'Pervaya mirovaya voyna — prolog istorii XX v.', *Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stolyetie: Materialyi mezhdunar. konf. Pervaya mirovaya voyna i sovremennyy mir* (Moscow, 2011).
- Shelohaev V. V., Solovyov K. A. 'Rossiyskie liberalyi o Pervoy mirovoy voynye', *Modern History of Russia*, no. 3 (11), 2014.
- Shevelev D. L. 'K istorii zaklyucheniya soglasheniya o razdele aziatskiy territoriy Osmanskoy imperii 1916', *Vostok ("Oriens")*, no. 5, 2001.
- Shevelev D. *Perepiska Mak-Magona — Huseyna 1915–1916 i vopros o Palestine. Dokumentyi i materialyi* (Moscow, 2008).
- Tsvetyanskiy A. V. 'Rossiya i obsuzhdenie buduschego Blizhnego Vostoka v godyi Pervoy mirovoy voynyi', *Rossiya v godyi Pervoy mirovoy voynyi, 1914–1918: materialyi Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Moscow, 2014).
- Vasyukov V. S. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitelstva* (Moscow, 1966).
- Vorodin D. A. 'Blizhniy Vostok i Pervaya mirovaya voyna: velikoe arabskoe vosstanie', *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, no. 2, 2014.